

The background of the cover is a dark, teal-toned illustration. The top half shows a turbulent, stormy sea with white-capped waves crashing against a dark, rocky shore. The bottom half shows a small, wooden boat with several figures inside, struggling in the churning water. The overall mood is somber and powerful.

Николай Мурзин

Земля, моря

СТИХИ

Николай Николаевич Мурзин

Земля, моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30096449

SelfPub; 2018

Аннотация

Поэзия Николая Мурзина богата, мрачна, необычна и сложна. Его стиль можно назвать симфоническим или постмодернистским. Каждое из его стихотворений содержит в себе более чем один смысл, при этом очень часто ключ к искомому смыслу находится в другом стихотворении. Чтобы понимать эту поэзию, нужно найти в ней единые лейтмотивы и следить за ними, наблюдая, как они сплетаются в подобие мелодии, составляют единый узор. Повторяются мотивы зимы, войны, смерти, тьмы, спора и чудесного преображения; образы, заимствованные из христианства и древнегреческой мифологии. Ну а о самом себе и о России автор говорит с печальной иронией.

Содержание

Блудный сын	4
Разглядывай темноту	6
Далекая война	9
Шел один	10
Рано прощаться	13
Копье судьбы	14
Вечер	17
Предатель	18
Снежная королева	20
Владыка безумия	22
Легенда	25
Посвящение Гумилеву	29
Храм Аполлона в Дельфах	34
Апостолы	36
Подглядывающий	38
Кто умер?	40
Глупая девочка Наденька	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Блудный сын

Этой – над нами – тяжелой, плохой,
Хмурой и всем ненавистой порой –
Я возвращаюсь в неузнанный город,
Я возвращаюсь домой.

Это – как будто – зачем-то, опять –
Вспять обращенная черная прядь,
Лишняя горстка монеток на сдачу,
Это любить и стрелять.

Милые – мертвые – все вы мои.
Там, на зазубренном крае земли,
Я исповедался трубке да пробке.
Вести мои не дошли.

Эта дорога – ночной образец
С выставки чьих-то заглохших сердец.
Светят продрогшие звезды кабине.
Плачет во сне мой отец.

Брак по просчету и пять к одному,
Кто не сочувствует нынче ему.

К ранам своим прижимаю, как травку,
Рвущегося прочь Фому.

Кто, не отчитан, под деревом сим,
Кто прозябает, безмолвьем томим,
В этом лесу – если мы не приходим
И по весне не свистим?

Благословляю – не раз и не два –
Диких солдат моего Рождества,
С этих всклокоченных улиц в засосах
Смерти совлекших саван.

Вытри ж столетий развод на окне.
Что-то горчит в нашем позднем вине,
Что-то морщит на стене, что-то вечно
С нами танцует в огне.

Разглядывай темноту

Разглядывай темноту,
Врученную, как дитя
Всех жутких твоих потуг.
Обернутой в черный стяг
Прими ее, гимнов друг,
Прими как удар судьбе,
Прими как веков испуг,
Нашедший заслон – в тебе.

Разглядывай темноту
В пустыне, где блеск светил
Обыскивал явно ту,
Которую не простил,
Смотрел, как в ночной затон,
В течение тысяч лет,
На ту, что была, как он,
Но больше не верит в свет.

Разглядывай темноту
Руками, как вещь – слепой,
Разгадывай на лету
Язычник ее немой.

Разглаживай снов стезю
До ровности простоты,
Чтоб этой дорогой выюг
Пройти мог не только ты.

Расписывай темноту,
Рисуй свой эдемский сад,
Раскладывай темноту
На лик и пустой оклад.
Расклад этот всех сильней,
И он не бывает бит,
И если она в окне,
Неважно, какой там вид.

Раскаркивай темноту
С вороньей тупой алчбой,
И мертвую плоть пестуй,
Носясь как с тугой торбой.
Расшаркивай след в пыли.
Разматывай нить – быку.
Разведывай край земли.
Болтайся там на суку.

Рассветывай темноту,
Согретую от сердец.
Заблудший во сне пастух,

Все кличешь своих овец,
И палка твоя стучит
О камень святой земли,
Который всегда молчит
О том, куда все ушли.

Заблудший во мне пастух,
Я – мед на твоих устах.
Загадывай темноту
Всем тем, кто привык, что прав.
Смотри, как она черна
В зрачке бесконечных грез.
Спроси про нее у сна –
И утром не бойся слез.

Далекая война

Белый стиль проходных дворов.
Колониальный бриз.
Ангел с фронтона, увидев кровь,
Бросился прямо вниз.

Солнце отправилось к нам с его
Гипсовых похорон –
Светло, как мрамор на мир боев,
Липнет к верхам колонн.

Может, ищет оно кого –
Кто придаст больший смысл,
Может, нам обогнуть дано
Дерзкой надежды мыс...

Белый шпиль над страной коров.
Плещет глухой прилив.
Солнце, брат. Одного его
Нам не достать с земли.

Шел один

Зрела плоть
В тишине,
Пела плоть
Обо мне –
Лета миг,
Тела гимн,
Духа лик,
Счастья дым.

Шел один
Я, как перст –
Вдоль страниц,
Брайлев текст
Счел, до дыр
Зачитал
Красоты
Твой журнал.

Я иду
По полям,
Я мету
По краям

Чушь, и губ
Я не жду.
Я иду.
Я иду.

Но теперь
Ты ко мне
Входишь. Дверь
Я стене
Приказал,
В руки ключ
Сам отдал.
Будь как луч

На щеке.
Будь игрой,
На песке
Ты построй
Башен град,
Детский рай –
И играй.
И играй.

Ты – тепло
На плече.
Ты – стекло

Всех лучей.
Ты – просчет
Темноты.
День поет.
Это ты.

Я ищу.
Это я.
Отпущу
Соловья
Из груди –
Он найдет
Там, где ты,
Я и все.

Рано прощаться

Из окон все кажется голубым,
Как осень, и пахнет как тонкий дым
Последних костров на моем пути,
И ярких шатров уже не найти.

А выйдешь на улицу – лето, зной,
И все еще кто-то готов со мной,
Куда захочу... И счастливый смех
Нам голову кружит, один на всех.

Копье судьбы

Если ты было там, где было –
Между ребер Его гостило –
То Расскажи, как там сердце билось;
Ты Расскажи, как Ему молилось

С полным ртом пузырей кровавых,
И что на это сказал Царь Славы
Из-за разодранной завесы
В храме всей злобы поднебесной...

Где был Иосиф, чаша, братья?
Правда ли, что корабль добратся
С нею не мог ни в какую землю –
Так и остался в волнах со змеем?

Правда ли, что чистейший отрок
Принял тебя – и открылись окна
В доме Отца, и пропела птица,
Что суждено Ему вновь родиться?

Отрок с тобою в даль морскую
Ушел, и дрожало, указуя

Путь, на древке его невинном
Ты, приближаясь к цели дивной.

Так он взошел на борт опасный,
И ты вело его, точно бразды,
Направляя тот ход смиренный
К чаше со святостью нетленной.

Богу вернул он душу Сына –
И пролился там свет незримый.
Отрок исчез. А ты – осталось
С чашей-сестрой, как два металла

Памяти, скорби, чудодействия.
Так Аполлон над тьмой эгейской
Видел в стреле своей прообраз
Твой – и метнул ее наотмашь

В кольца змеи тысячелетий,
В сердце креста на крыльях ветра,
Отроком на берег явился –
И отыскал свой древний символ.

Так воскрешал он Диониса,
Так выходил он из гробницы
Собственной – и зари светлее

Вновь восходил во снах Психеи

На небо мира... О мать веры,
Ты повитуху из легионера
Творишь мановением мифа, бреда,
Сечением Кесаревым Завета!

Где, между чьих ты нынче ребер,
Сердце чье гложешь в ржавой злобе,
Только орудье вящей славы
Для предназначенной расправы?

Все обращается в иное –
И возвращается собою.
Боги светлеют бесконечно –
Время ветшает быстротечно.

Любит копьё богов дырявить!
Миром оно бессменно правит –
Неколебимая ось земная,
Неотменимая жертва рая.

Вечер

Что ж, собаки, лайте –
Вот уже и звезды.
Улицы, петляйте
Меж стихом и прозой,

Меж лицом и мордой,
Что опасно схожи,
Позвонком и хордой,
Мимо тихих кошек.

Улицы, серейте
Блекло и условно.
Из окна вдруг – флейта.
Голос – из другого,

Говорящий трудно
О любви и смерти,
Как ребенок нудный –
О своей конфете.

Предатель

Чертова ерунда портит нам план.
Чертова западня, подлый капкан.
Я бы хотел угодить – только – тебе.
Ты бы хотел отсудить – что-то – себе.

Я бы хотел повидать мертвых друзей.
Ты бы ходил навещать свой мавзолей.
Это ирония, друг. Это конец.
Я отрекись и в сундук сложу свой венец.

Мантию вместе, иной какой атрибут...
Я никогда не хотел властвовать тут.
Ты ошибался всегда на свой и мой счет.
Рыбы, тараша глаза, уходят под лед.

Рыбы, осталась без вас мертвая гладь,
Прямо под серым окном – снега кровать.
Я не вернусь. Этот пласт стоило жечь.
К черту твой мир. Достаю – из озера – меч.

Дева, Артура во мне ты признаешь?
Слева я – вылитый он. Здравствуй за ложь.

Черному незачем дну Эскалибур.
Я начинаю – войну, кончив – борьбу.

Грозен дар горьких разлук. Он – от тебя.
Я не откликнусь на стук, даже любя.
Хоть колоти, хоть еще как барабань,
Кто-то подскажет, куда – тебе – в эту рань,

Друг мой, иди. Я – уже. Это конец.
Пал твой король – и кому вести, гонец?
Ну а пускай и не пал – не за горой
Тот одинокий, как смерть, преданный бой.

Рыцари, бездна близка. Дайте же шпор
Бедным коням – чтоб узнать, есть ли позор
В мире сильней, чем списать мертвых в запас.
Знайте же: тот, кто предаст – он среди вас.

Снежная королева

Герда у окна сидит, штопает чепчик.
Тихо у крыльца вдруг прозвенит бубенчик.
Бьет олень копытом снег искристый,
Светит на дорогу месяц чистый.

Кай бросает игры, к двери – шмыг:
Ведь за ней румяный шебуршит старик!
Сколько же подарков у него в мешке,
Серебристых песенок – в его рожке!

Братец эльф, входи! Мы так вам рады!
Мало бедным детям здесь, в мире, улады.
Горстка волшебства, да вот – любви немного...
Узелок вяжи, сестра, Каю в дорогу.

И на миг мерещится Герде жуть:
Нет оленей, эльфов, и мешка – ничуть,
А за дверью – мрак, и холод, и она:
Насмехается над ними льдов княжна.

Герда! Режет глаз тебе осколок страха,
Свет волшебных стран застыт клубы праха...

Отпускай же Кая к добрым эльфам смело –
Нет в помине, знай, над ними королевы.

Владыка безумия

Тут лучше не смотреть в глаза,
Тут лучше не вставать ночами,
Не щекотать мечом узла,
Не красоваться величаво,
Когда проносится кортеж –
Дождем хлопков, оваций солнцем –
И если только невтерпеж,
Отпрашиваться в общий сортир.

Но лучше, если стерпишь. Все.
Что невдомек, то очень плохо.
По улицам тут ходит слон,
И славит люд царя Гороха.
Не видно, впрочем, ни царя,
Ни сколько внятного правленья –
Но не болтай об этом зря:
Тут не слабеют с солнцем тени.

Тут лучше не любить того,
Чего никто не понимает,
Тут лучше не любить того,
Кто всем тебя напоминает.

Удобно поспешать во тьму
Со всеми сообща и в ногу,
Угодно ставить здесь тому,
Кто всех убил, свечу, как богу.

Когда-то думал я: сам мрак
Облюбовал себе столицей
Страну, где я живу, дурак,
С надеждой: вдруг все прояснится.
Не прояснится. Но найти
Здесь повелителя кошмара –
Пустое дело, хоть верти
Всю жизнь свою гадальный шарик.

Где он? Где дьявол? Покажись!
Тут только толпы месят глину.
И лучше не спускаться вниз –
Обратных нет греху тропинок.
Как и новинок, как и роз,
Не унесенных от могилы,
Не перепроданных за грош
Влюбленным – глупеньким, но милым.

Тут лучше не прощать врагов,
И долго жить, и много помнить,
И тайне чтить своих богов,

И брезговать всем безосновным.
А может быть, уйти навек,
Найти себе страну подальше,
Где жив иначе человек:
Вчера – старик, а завтра – мальчик.

Легенда

Мне жалко Пушкина. Ты видишь,
Как он идет в свою пустыню,
И ни следа нет серафима –
Все сплошь скотина на скотине.

Молчанье мертвых переплетов
И маятник, что бьет все мерней...
А ведь он знал про Аполлона –
Единственный из нашей черни!

Но все – тоска, и нет надежды,
Которая б сбылась как надо.
Кровит патриотизм невежды,
И от оскомин до услады

Не совершится путь обратный,
И колесо нейдет на площадь,
И главный бес – ямщик брадатый,
Впрягает бледную повозку

В полуживых коней кошмара:
Глаза навывкате, как пули,

И все не так, и все непарно,
Как будто тяжело все уснули,

Как будто полмира украли –
Но незаметно, непонятно,
Как будто белую задрали
Рубашку над раненьем ратным.

Наполеон идет – не лекарь!
Он отомстит, кровавый призрак,
За жалость продолженья века,
За недопониманье сдвига.

Ведь многие над ним смеялись
И тешились своею ложью.
Иных уж нет. А те – те пали,
И русский бог давно низложен.

Последним – старец, повторивший
Все, что придумали поэты:
Однажды тихо с дому вышел –
И умер далеко и в бреде.

Как ни кидались к вере, к мере,
К иконе, к самодержца шпаге –
Разили благовесты серой,

Причастья – порохом и брагой.

А Крит, а Эльба, а Елена –
Одно в веках. И бык грозящий
Вперил рога, как очи, в стену
В плену своем ненастоящем.

Война проиграна. Отдайте
Ему, как Миносу, вселучших –
И парус черный подымайте
На мачту-столп державной стужи.

Все бесконечно повторилось,
И наказание жестоко:
Не понимать, что нет здесь силы
Превыше древней воли рока.

За нами ненависть катилась
Волной, сметающей бесстрастье,
И может, в крике «победили»
Таилось главное несчастье...

Не видно, ничего не видно.
Пуст и безвиден мир российский.
Дворцы несут кариатиды
На похороны. Путь неблизкий,

Но неизбежный. Духи ночи
Кружат и выются роем бледным.
Гони же, братец, что есть мочи!
Но братец демоном последним

Открылся. Жалобно кричали –
Что не услышана загадка.
Спеши, Эдип. Твой сфинкс в печали.
Спеши, герой. Остатки сладки.

Посвящение Гумилеву

Мой друг Гумилев,
Пожми мою руку.
Я не убивал,
Конечно, послов –
Но слово твое
Я чтил, как науку,
И ночи встречал,
Заострив стило.

Крови же меня
Причастием смелых,
Перчаткой для псов
На руку надень!
Кругом ты был прав
Среди мягкотелых,
И хмарь диких сов
Ты выбелил в день.

Я вечно чужой
И неподходящий –
Не знаю, зачем
Тропинки сошлись.

Но это как вой
В ночи настоящей,
Где нету огней,
Где кончилась жизнь.

Я – брат в тишине,
В углу строгих комнат.
Мой смех или плач –
Как сад за окном.
Никто обо мне
Не думает много,
Пуская удач
Своих метроном.

Ирония в том,
Что тенью с тобою
Я всюду прошел –
И не был открыт.
Мы были вдвоем –
Но это не стоит
Совсем ничего,
Когда ты убит.

Кому я кричал
Во сне: не стреляйте!
Не тайна ли тот,

Кто дышит взахлеб,
И рвется из нас
При полном параде,
И портит расчет,
И что там еще?

Он нежный нахал,
Он вечный подросток,
Упругая статья
И марта флакон.
В пылающий зал
От темных подмостков
Он шел наказать
Нам новый закон.

Но где-то беда:
Пустые усилья
Несчастливых овец
В осаде волков...
Не смейся, когда
Выламывать крылья
Придет молодец
Заплечных полков.

Какая тоска,
Наверно, открылась

В последний тот миг –
В серпцах косарей,
И в грязных руках,
И в тощих кобылах –
Что рвешь ты язык
Себе поскорей!

Их славить нельзя
(Жалеть-то опасно),
А думать о них –
Бессмысленный труд.
Кто в хлеба князя,
Кто в ангелов красных
Крестился под дых –
И стал рожий суд.

Мой друг, старый друг,
Прочти мою оду,
Пока еще есть
Вселенной скрижаль.
Ты мне ко двору
В любую погоду –
Пока, как ересь,
От слов веет даль.

За то, что во мне –

Застывшее пламя,
И узкий клинок,
И яркая брошь
В моем тайнике
Под всеми полами –
Пожалуйста, бог,
Ты будь ко мне вхож.

И трепет от встреч
Пусть будет как в детстве:
Идет мамин друг,
Идет сестрин свет!
И мяч по траве
Покатится резво,
И в нашу игру
Вернется поэт.

Храм Аполлона в Дельфах

«Я знаю!» – душа прокричала.

«Не знаешь» – ответила дверь

Спокойно и холодно. Зала

Пустая скрывалась за ней:

Квадраты сплошных геометрий,

Колонны, и сумрак; и ков

Змеею по полу к бессмертью

Влачится и держит его.

Подносит мне ковш Мнемозина,

А в нем – черной Леты глоток;

С обедом пастушьим корзина –

На мраморный детский роток.

Я пленник, всеведущий демон,

Рекущий обратную речь,

К царям за их гордые стены

Легко проникающий меч.

Что знала, душа, ты? Увидишь,

Свой мир я тебе покажу –

А там не гостил мастер Фидий,
Облечь не успел в красоту.

Там только осколки нетвердых
Иных разумений земных,
Столкнувшихся с черным утесом
Пророчеств ужасных моих,

Там только руины планеты,
Уже не кружащей нигде –
С пронзительным воем кометы
Сгоревшей на яркой звезде.

АПОСТОЛЫ

Вы – мое племя, сказал он,
Всюду я ныне один:
Крылья не плещут, и сонм
Духов не слышен, не зрим.

Все изменилось; отныне
Вы – мое войско, мой блеск,
Вы – мое слово стремнине,
Вы – откровенье небес.

Вы – не видны, не открыты,
Вы – на иконах вас нет,
Вы – небуто, несыто,
Горько глядящие вслед.

Вы – ни казны, ни нагайки,
Вы – ни мошны, ни меча,
Ни перекура, ни пайки;
Солнце на ваших плечах,

Скулы, избитые ветром,
Руки, уставшие красть...

Будьте как дети, как дети,
Будьте последняя власть.

К вам я ушел, и оставил
Весь легион бытия;
Имя мое угадали
Вы, и открылся вам я.

Только и сам я не знаю,
Кто я, зачем и куда.
Боги всегда предлагают,
Люди – решают всегда.

Постановляйте, святые;
Ваш я, и вы все – мои:
Только сосуды пустые
Гнева миров судии.

Подглядывающий

Сердце огромно в маленьком теле,
Сердце стучится, бьется.
Взрослое тело лежит на постели
И любви отдается.

О, любовь! Наблюдает дитяtko
Все, что к нему приводит,
Из-за двери, привстав на цыпочках –
И невдомек, *что* входит

В этот момент в теснину плоти,
Чтобы цвести там розой...
А на листьях бело-красных – вздохи
Нечитаемой прозой.

А на полу – второпях, с полдороги
Купленные мимозы.
Дитяtko глаз не сводит строгих.
В пальчиках – сплошь занозы.

Сердце огромно, все заполняет
Оторопелым гневом:

Что вы там делаете? Пылает
Где-то от центра слева.

Черные, черные розы желанья!
Красные, красные руки!
Белое, белое всеотрицанье!
И напряженье внизу. Хи!

Хо! Ха-ха-ха! И низринутый демон
Глупую желтость мимозы
Топчет в расстройстве, и льет свое семя,
Мучаясь злобным вопросом.

Кто умер?

Сам бог хранит души твоей глубины
От тех, кто в них не верит, как в него,
Без стука он приходит на смотрины
Твоих гостей – и в очереди строк

Их собирает и ведет вратами
Слоновой кости в меркнувшую даль,
И над водой ложится им мостами –
Над гладью тихой, черной, как печаль

О том, кого здесь точно не припомнят,
О том, кого не хватятся, когда
Настанет время всех составить в томы,
Как матерьял для Страшного Суда.

Сам бог хранит – тебя? меня? – и с нами
Уходит в неоткрытую страну,
Уходит неодетый, словно пламя,
И руку нам дает свою одну,

Чтоб мы держались крепче друг за друга,
Чтоб мы шагали вместе в добрый путь –

Чтоб нас не закрутила эта вьюга
И глаз не залепила эта муть,

Чтоб черным небом по снегам писали
Мы правду, неизвестную нигде,
И вечность на пути своем листали,
И верили одной его звезде,

Которая – как факела наверхше,
Воздетого другой его рукой
Над белизной полей смертельно-снежной,
Над дикою, крошечною тоской.

Кто умер? Что нам кажется список павших?
Привычная, приличная печаль.
И строки шаткой армией отставшей
Текут в незаряемую даль

И сбрасывают сталь по ходу дела...
Просрочено спасенье, видит бог –
Но он хранит отряд последний смелый
От злобы наступающих врагов.

Он выведет его на светлый полдень
Из диких стран полнотной немоты –
И будет праздник всем, кто свет свой отдал

Во имя той единственной звезды.

Глупая девочка Наденька

Все мы пьем чашу горечи,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.